

ЛОГАЧЕВА Е. П.

О ПРОТОТИПАХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В «ОРГАНОНЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Функциональный уровень научного исследования зависит не в последнюю очередь от того смысла, который вкладывается в используемые при этом термины. Имеется в виду, конечно, не акустический образ термина, а то понятие, которое определяет его содержание.

Термины как единицы словарного состава языка подвержены процессу изменения на основе метафорического и метонимического переноса, сужения и расширения значения при переходе слов из одной функциональной сферы в другую (например, из обиходной в научную); такое изменение значения возможно на основе тех же закономерностей и внутри одной и той же функциональной сферы: этимологически одни термины могут восходить к другим терминам.

Термины «субъект», «предикат», «имя», «глагол», «предложение» («высказывание», «речь») относятся к наиболее древним в науке о языке. История их возникновения в хронологической последовательности изложена Г. Глинцем [1] и другими учеными, на которых мы будем в дальнейшем ссылаться. Наш анализ посвящается наблюдению за семантической эволюцией этих терминов как лексических единиц. Основным материалом для исследования послужили логические трактаты Аристотеля, объединенные названием «Органон». Однако единая концепция проходит и сквозь другие его сочинения, например, «Метафизику» и «Поэтику».

Термин «субъект» используется в современной науке в первую очередь в таких ее сферах, как теория познания и грамматика. Между философским и грамматическим терминами «субъект» существует этимологическое родство, однако для языка науки более релевантно их функциональное различие. В вузовском учебнике «Основы марксистско-ленинской философии» дается следующее определение категории «субъект»: «В теории познания „субъект“ — человек как активный носитель познавательной способности и познавательных функций» [2, с. 137].

В «Философском энциклопедическом словаре» содержится определение субъекта, которое дает повод считать, что в настоящее время происходит расширение функциональной сферы этого термина, а следовательно, и расширение его значения. В этом новейшем справочнике «субъект» определяется как «носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» [3, с. 661].

В научной и технической литературе последних лет наблюдается тенденция к популяризации этого термина. Пишут, например, о человеке как «субъекте труда и творчества», о машине как о «субъекте производства» [4, с. 10]. Степень абстрактности термина при этом уменьшается.

Значение «человек» не является первоначальным значением, которое вкладывалось в этот термин. По словам Г. Глинца, слово «субъект» (лат. *subjectum*) как дословный перевод встречающегося у Аристотеля греческого слова ὑποκείμενον («подлежащее») создал одновременно с термином «предикат» (лат. *praedicatum*) в V столетии римский философ Боэций, переводчик и комментатор Аристотеля [1, с. 19]. От него эти термины попали в средневековую схоластическую философию, где термин «субъект» употреблялся в значении, близком первоначальному (под «субъектом» понимался «реальный предмет») [1, с. 19; 5, с. 556—557]. В «современном значении» он впервые встречается у Фомы Аквинского [5, с. 557]. В гносеоло-

гическом смысле он употребляется в работах философов, начиная с Декарта [3, с. 661].

Использование термина «субъект» в значении «человек» означало его специализацию, т. е. сужение значения, по сравнению с греческим *ὑποκείμενον*, под которым Аристотель понимал прежде всего «субстанцию» (или «первую сущность»).

«Суженное» значение термина «субъект» распространилось и на грамматическую науку. Р. Якобсон пишет, например, что «наиболее адекватное представление о действующем субъекте и особенно субъекте транзитивного действия — это живое существо (*das belebte Wesen*), а представление об объекте — это неодушевленный предмет (*der unbelebte Gegenstand*)» [6, с. 253; 7].

Модификация значения термина «субъект», ведущая к его специализации, связана с более поздним этапом развития этого термина. До него он прошел еще более сложный путь функционально-семантических преобразований. «Насколько нам известно, — пишет Дж. Лайонз, — первым, кто стал различать существительные и глаголы, был Платон (429—347 гг. до н. э.) ... По определению Платона, существительные — это слова, которые могут выступать в предложении как субъекты предикации, а глаголы — это слова, которые могут выражать предизируемое действие или свойство. (Грубо говоря, субъект предикации называет вещь, о которой нечто утверждается, а предикат — это та часть предложения, которая утверждает нечто о вещи, обозначенной субъектом)» [8, с. 29—30]. У Платона в диалоге между Теэтетом и чужестранцем-элеатом говорится следующее: «Ч. — ... Ведь у нас есть два рода показываний голосом относительно сущности. Т. — Каким образом? Ч. — Один, названный именами, другой — глаголами» [9, с. 58]. «Речь» возникает тогда, когда имя и глагол соединяются. Об этом говорится так: «Ч. — ... А тут-то уже первое соединение оказывается сложенным и немедленно становится речью, — пожалуй, первой и самой малой речью» [9, с. 58].

Встречающиеся у Платона названия «имя» и «глагол» относятся к типу слов, которые мы называем «существительными». Они были одними из первых научных терминов, примененных для описания языка. Как и у всех имен, их значение предметно. С одной стороны, они — знаки, «показывающие голосом относительно сущности», а с другой — единицы, из которых путем их связывания строится речь. В тех же ракурсах рассматривается имя и глагол у Аристотеля.

Трактат «Об истолковании» Аристотель посвящает объяснению трех пар понятий: имя (*ὄνομα*) и глагол (*ῥήμα*), отрицание и утверждение, высказывание и речь [10, с. 93]. В этом ряду отсутствует оппозиция «подлежащее» и «сказуемое», хотя объем понятия у них не совпадает с объемом понятия у «имени» и «глагола».

Остановимся прежде всего на последнем из названных Аристотелем противопоставлений: «высказывание и речь». Аристотель различает «речь» (*λόγος*), «высказывающую речь» или «высказывание» (*ἀποφάνσις*), а также «сказывание» (*φάσις*)¹. Он пишет: «Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что „человек“ что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют» [10, с. 95].

«Высказывающей речью», считает Аристотель, является та речь, «в которой содержится истинность или ложность чего-либо...» [10, с. 95]. Истинность или ложность чего-то можно как утверждать, так и отрицать [10, с. 96]. «Первая единая высказывающая речь, — пишет Аристотель, — это утверждение, затем — отрицание» [10, с. 96]. В последней формулировке «высказывающая речь» совпадает с определением «посылки», которая характеризуется Аристотелем как «речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то» [12, с. 119].

¹ В других редакциях слово *φάσις* переводится как «высказывание» [см. 11, с. 510].

В «Поэтике» Аристотель дает определение «речи» (λόγος)², которое включает в себе ядро будущего синтаксиса. Приведем его полностью: «11. Предложение — составной звук, имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение. Не всякое предложение состоит из глаголов и имен. Может быть предложение без глаголов, например, определение человека»³. Однако какая-нибудь часть предложения всегда будет иметь самостоятельное значение (например, в предложении „идет Клеон“ — „Клеон“).

12. Предложение бывает едино двояким образом: когда оно обозначает единое, или когда состоит из многих. Например, „Илиада“ — единое как соединение многих⁴, а определение человека — как обозначение одного предмета» [9, с. 63].

Из этого определения «речи» следует, что она может быть и тем, что мы сегодня называем «предложением» (*идет Клеон*), и словосочетанием (аристотелевское определение человека), и словом (*Илиада*). Важно, чтобы «речь» была «определением»⁵ одной сущности, сколько бы видовых отличий она ни включала [ср. 11, с. 211]. Единство содержания «речи» определяется Аристотелем, таким образом, не по горизонтали, как в синтаксисе, а по вертикали, путем соотношения ее с сущностью. В трактате «Об истолковании» Аристотель пишет: «Поэтому „существо, живущее на суше, двуногое“ есть речь единая, а не множественная, ведь речь едина не оттого, что слова произносят непосредственно друг за другом» [10, с. 96].

Что касается «высказывающей речи», то Аристотель предъявляет определенные требования не только к ее содержанию (она должна что-то утверждать или отрицать), но и к составу ее частей: «Каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или изменение глагола по времени, ведь и речь о человеке не есть высказывающая речь до тех пор, пока не присоединено „есть“, или „был“, или „будет“, или нечто подобное» [10, с. 96].

Синтезируя признаки «речи», можно установить, что она: 1) материализуется в звуке, следовательно, есть явление языка; 2) имеет смысл (есть «смысловое звуко сочетание»); 3) едина по смыслу; 4) может иметь форму слова, словосочетания, предложения; 5) не всегда состоит из глаголов и имен; 6) не всегда что-то утверждает или отрицает. «Высказывающая речь», отвечая первым трем требованиям, обладает еще следующими признаками, она: 1) имеет форму предложения, 2) всегда содержит глагол, 3) всегда что-то утверждает или отрицает.

Что касается «имени» и «глагола», то они, как и «речь», являются, по словам Аристотеля, «звуко сочетаниями» («составными звуками»), имеющими самостоятельное значение. Глагол, в отличие от имени, обозначает еще и время [10, с. 93—95; 9, с. 63]. Они могут быть высказаны сами по себе («без связи») или же в соединении («в связи») [15, с. 53]. Взятые в отдельности, имя и глагол не образуют «речи» («высказывания»). «Итак, — говорится в „Об истолковании“, — имя или глагол назовем лишь сказыванием⁶, ибо так не говорит тот, кто намерен выразить что-то словами, чтобы высказаться, все равно, вопрошает ли он или нет, а сам что-то сообщает» [10, с. 96].

Платон считал, что и имя, и глагол одинаково «показывают голосом относительно сущности»: глаголы относятся к действиям, имена — к тем, кто совершает действие [9, с. 58]. В отличие от Платона, Аристотель полагает, что, хотя и имя, и глагол, высказываясь о сущности, определяют ее, но определяют по-разному: имена, указывая на сущность, определяют ее как «первую сущность» или «вторую сущность»; глаголы же, несмотря

² В используемом переводе (λόγος) — «предложение».

³ Аристотель подразумевает свое «определение человека»: «двуногое существо, живущее на суше» [11, с. 211; 13, с. 352; ср. также 14, с. 99].

⁴ Имеется в виду собирательный смысл слова.

⁵ «Определение» здесь не часть (член) предложения, а вся «речь о сущности».

⁶ З. Н. Микеладзе считает, что φησιν употребляется здесь в смысле «предиката самого по себе» [16, с. 607].

на то, что они, «высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают» [10, с. 95], на субстрат не указывают. Аристотель считает, что глаголы «еще не указывают, есть ли [предмет] или нет, ибо „быть“ или „не быть“ не обозначения предмета...» [10, с. 95]. В другом месте об этом сказано еще более определенно: «Далее, глагол всегда есть знак для сказанного об ином, например, о подлежащем или о том, что находится в подлежащем» [10, с. 94]. Носителем значения времени у Аристотеля является «глагол» (ῥῆμα), а не «сказуемое» (κατηγόρημα). «Говорю же я, — пишет Аристотель, — что глагол обозначает еще и время; например, „здоровье“ есть имя, а „[он] здоров“ есть глагол, ибо это еще обозначает, что здоровье имеется в настоящем времени» [10, с. 94]. В данном толковании «глагол» — ближе к современному представлению о «сказуемом» (предикате).

При создании латинских терминов «subjectum» и «praedicatum» образцами послужили используемые Аристотелем слова ὑποκείμενον и κατηγορημα.

Аристотель определял «подлежащее» через понятие «сущность» (οὐσία: имени соответствует «речь о сущности» (λόγος τὰς οὐσίας), которая может быть разной у одного и того же имени (например, человек и изображение) [15, с. 53]. Он различает «первые сущности» и «вторые сущности»: «Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу» [15, с. 59]. «Подлежащими» он называет прежде всего «первые сущности», «...потому что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них... Далее, первые сущности, ввиду того что они подлежащие для всего другого, называются сущностями в самом основном смысле» [15, с. 57].

Вторыми сущностями Аристотель считает вид и род: «А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, — и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду „человек“, а род для этого вида — „живое существо“. Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например, „человек“ и „живое существо“» [15, с. 55—56]. О вторых сущностях может «сказываться» все то, что «сказывается» о первых сущностях. Аристотель так рассуждает по этому поводу: «В самом деле, отдельного человека можешь назвать умеющим читать и писать; значит, так можешь назвать и человека, и живое существо. И таким же образом обстоит дело и во всех других случаях» [15, с. 57—58].

Между первыми и вторыми сущностями существуют, таким образом, иерархические, т. е. вертикально направленные, отношения частного к общему и наоборот. «Из вторых сущностей, — считает Аристотель, — вид в большей мере сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности. В самом деле, если станут объяснять, что такое первая сущность, то ее объяснят доступнее и более подходяще, указывая вид, чем указывая род; так, указывая отдельного человека, укажут понятнее, указывая, что он человек, нежели указывая, что он живое существо; первое более свойственно для отдельного человека, второе более обще...» [15, с. 56—57].

Отношения между подлежащим и сказуемым складываются, таким образом, как отношения между частным и общим. Во «Второй аналитике» Аристотель изображает эти отношения как имеющие направление «вверх» и «вниз»: «Под направлением вверх я разумею направление к более общему, под направлением вниз — к частному» [17, с. 291]. Основой этого иерархического построения являются «первые сущности». Он пишет: «Первая сущность не составляет никакого сказуемого: ведь она не сказывается ни о каком подлежащем. Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род — и о виде, и о единичном» [15, с. 58—59].

Из приведенных рассуждений можно сделать вывод, что «подлежащим» может быть не только «первая сущность», но и «вторая сущность» — вид для рода. В «Категориях» об этом говорится совершенно определенно: «И так же как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду, а именно: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах» [15, с. 57].

Становится очевидным, что Аристотель не отождествляет «подлежащее» и «сущность». Быть «подлежащим» — есть функция сущности в том случае, если о ней что-то «сказывается». Аристотель сам указывал на это различие между субстратом и функцией: «Общая черта всякой сущности — не находиться в подлежащем» [15, с. 58]. «Первая сущность» находится «глубже», чем «подлежащее», она не «сказывается» ни о чем (это не ее функция), ее же функция — быть самой собой, т. е. субстратом, первой сущностью, о которой «сказываются» виды и роды и «все другое». Для Аристотеля «подлежащее» — это уже абстракция, термин научного языка, наименование функции субстрата, но не сам субстрат и не часть «речи» (предложения), как, например, «имя».

Абстрактный характер значения «подлежащего» косвенно подтверждается тем, что в символической логике оказалось возможным ввести для него особый термин. В комментариях к «Категориям» дается по этому поводу следующее разъяснение: «Подлежащее есть нечто отличное от первых сущностей и, стало быть, есть некоторое общее, обозначенное, скажем, общим термином „С“: $AaC \rightarrow [BaA \rightarrow BaC]$ » [16, с. 602].

Аристотель рассуждает как материалист: «Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого» [15, с. 56]. Под «другим» Аристотель понимает не только виды и роды, но и качества (например, «белое»), и свойства человека (например, умение читать и писать).

Термин *ὑποκειμενον* точно воспроизведен при переводе его на латинский язык: сохранена форма причастия (субстантивированного) — «subjectum», словообразовательная модель и лексическое значение словообразовательных элементов. Изменился, однако, ракурс восприятия термина: из вертикального он стал горизонтальным (линейным).

Наиболее сложный путь развития проделало наименование *κατηγορούμενον*. Созданный Боэцием термин «praedicatum» является, вероятно, не просто калькой с этого наименования⁷, а синтетическим термином, объединяющим несколько сходных наименований.

В «Категориях» Аристотель широко пользуется термином «сказуемое» для объяснения того, что может «сказываться» о сущности. Одни сказуемые «сказываются» о самой сущности (определение как вид и род). Виды и роды не только называют, но и характеризуют подлежащее. «Вид же и род, — утверждает Аристотель, — определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность» [15, с. 59]. Другие сказуемые обозначают качества и свойства, присущие подлежащему, но не обозначают самой сущности. «Так, белое, находясь в теле как в подлежащем, сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие белого никогда не может сказываться о теле» [15, с. 56]⁸.

Таким образом, «сказуемое» у Аристотеля не есть наименование определенной части «речи», а есть, скорее, обозначение имени по его функции «выражать свойства сущности», «сказываться» о них⁹.

Отношение между «подлежащим» и «сказуемым» у Аристотеля — не отношение оппозиции, а, скорее, отношение единства. Ближе всего к аристотелевскому пониманию этих феноменов научного языка находится «означаемое» и «означающее» Ф. де Соссюра [19, с. 99].

«План содержания» и «план выражения» не образуют у Аристотеля двух параллельных линий. Их соотношение можно изобразить в виде замкнутой фигуры — «логического треугольника», стоящего на вершине. Эту вершину образует первая сущность (субстрат), которая не является

⁷ Лат. *prae-dicāre* «объявлять, заявлять, говорить называть»; греч. *κατ-ηγορέω* «объявлять, порицать, упрекать, высказывать(ся), утверждать».

⁸ В «Грамматике Пор-Рояля» прилагательные названы «акциденциями», существующими только через субстанции. Помимо отчетливого значения, у них существует еще одно неясное значение, которое назвали «коннотацией некоторой вещи» [18, с. 226—227].

⁹ «Сказуемыми» являются, по существу, и «десять категорий» Аристотеля [15, с. 55; 17, с. 295].

«сказуемым». «Подлежащим» служит более частное понятие для более общего. Род в этой иерархии не бывает «подлежащим». О первых и вторых сущностях может быть сказано «все другое». И все это проецируется в «речь».

В горизонтальном же ракурсе Аристотелем рассматривается «посылка» (πρᾶξις), состоящая из двух «терминов» и глагола *быть*: «Термином я называю то, на что распадается посылка, т. е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением [глагола] „быть“ или „не быть“...»¹⁰ [12, с. 120].

Перенос наименования логической функции на часть высказывания, а затем — на «звукосочетание» (имя и глагол) произошел, очевидно, очень рано. Греческий ученый Аммоний Гермий (V—VI вв.), давая комментарии к «Об истолковании» Аристотеля, писал, что стоики создали учение о предикатах; он передает, как Порфирий (III в. н. э.) излагает это учение: «Предикат высказывается либо об имени, либо о падеже и в обоих случаях бывает либо законченным предикатом, который достаточен для того, чтобы вместе с субъектом образовать суждение, либо недостаточным и нуждающимся в дополнении для того, чтобы образовать законченный предикат. Если нечто, будучи высказано об имени, образует суждение, они называют его *предикатом κατὰ ῥηγίαν* или *схождением σὺμβάδην* — оба эти имени обозначают одно и то же — например, Сократ гуляет...» [9, с. 71].

Произошло то, что сам Аристотель называл переходом при доказательстве «из одного рода в другой» и что он считал возможным при условии, что «этот род должен быть или вообще тем же, или в каком-то отношении тем же» [17, с. 270—271].

Итак, исходное значение многозначного ныне термина «субъект» сохранилось лишь в сравнительно узкой сфере науки логики; в гносеологии оно было отчасти компенсировано термином «объект» [1, с. 20], введенным в научный язык учеными схоластами, а затем, в XIX в., — в грамматику [20, с. 30—43] и вступившим в обеих сферах в функциональную оппозицию с «субъектом».

Представители различных лингвистических школ вкладывали в термин «субъект» свое представление об этой грамматической категории, о чем говорят различные определения к этому термину: «логический», «психологический», «грамматический» субъект и ныне «онтологический» субъект, «субъект ситуации» [21, с. 128].

Часто пишут, что «объект» не является термином формальной логики [22, с. 10—11]. Однако у Аристотеля мы встречаем наименование явления, которое позже стало называться «объектом» в синтаксисе. Это «падеж» (πτῶσις), под которым греческий ученый понимал как морфологическую форму слова, в том числе и имени [10, с. 94; 23, с. 561], так и элемент грамматической формы «посылки» («...посылку же надо взять так, чтобы имя стояло в соответствующем падеже») [12, с. 190]. Это значит, что у Аристотеля мы встречаем если не прототип слова, то прототип понятия «объект».

Аристотель создал целостную логическую систему, в которой в органическом единстве представлены и построение мысли, и ее языковое (знаковое) выражение, охватывая и систему понятий, и систему высказываний в их отношении к онтологической действительности. Отделение формы от содержания произойдет позднее, в европейском языкознании.

Нередко исследователи, занимающиеся поисками истоков грамматической науки в логической системе Аристотеля, пишут об отсутствии четкого разграничения между логическими и грамматическими терминами. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего той задачей, которую ставил перед собой философ и которую он сформулировал в «Первой аналитике» следующим образом: «Прежде всего следует сказать, о чем исследование и дело какой оно [науки]: оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки» [12, с. 119]. Умение же доказывать, т. е. успешно

¹⁰ Термин «связка» (сῶνυλα) принадлежит философу и богослову Абелияру (1079—1142) [ср. 1, с. 19]. В «Грамматике Пор-Рояля» этот термин употреблен как грамматический [18, с. 226].

вести полемику, требовало прежде всего умения отличать высказывания, содержащие истину, от высказываний, не содержащих ее. И истинные, и ложные высказывания неизбежно выступают в языковой форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Glinz H.* Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik. Bern, 1947.
2. Основы марксистско-ленинской философии. 5-е изд. М., 1981.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
4. *Смолян Г. Л.* Человек и компьютер. М., 1981.
5. *Philosophisches Wörterbuch.* Hrsg. von Klaus G. und Buhr. M. Leipzig, 1964.
6. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus.— In: TCLP, 1936, № 6.
7. *Weisgerber L.* Der Mensch im Akkusativ.— *Wirkendes Wort*, 1957—1958, 8, S. 193 и сл.
8. *Лайона Д.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
9. Античные теории языка и стиля. Ред. Фрейденберг О. М. М.— Л., 1936.
10. *Аристотель.* Об истолковании.— Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.
11. *Аристотель.* Метафизика.— Соч.: В 4-х т. М., 1975, т. 1.
12. *Аристотель.* Первая аналитика.— Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.
13. *Аристотель.* Тошника.— Соч.: В 4-х т., М., 1978, т. 2.
14. *Аристотель.* Поэтика. Примечания Новосадского Н. И. Л., 1927.
15. *Аристотель.* Категории.— Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.
16. *Аристотель.* Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.
17. *Аристотель.* Вторая аналитика.— Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.
18. *Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
19. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики.— В кн.: *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
20. *Александров Н. М.* Проблема второстепенных членов предложения в русском языке.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1963, т. 236.
21. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
22. *Гухман М. М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
23. *Аристотель.* О софистических опровержениях.— Соч.: В 4-х т. М., 1978, т. 2.